

С.В. Шведов

РОЛЬ ВОЕННОЙ ХИТРОСТИ В ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ФРАНЦИИ В 1807–1812 гг.

Основной составной частью военного и дипломатического искусства является хитрость. Одно из лучших определений хитрости принадлежит К. Клаузевицу: «Хитрость предполагает какое-нибудь скрытое намерение и, следовательно, противопоставляется прямому, простому, т.е. непосредственному образу действия. Подобно тому, как остроумие противопоставляется непосредственному доказательству... Хитрость отличается от обмана, так как непосредственно не нарушает данного слова. Хитрец вызывает в суждении противника, которого хочет обмануть, такие ошибки, которые представляют последнему дело не в настоящем виде и толкают его на ложный путь. Поэтому можно сказать: подобно тому, как остроумие представляет собой жонглирование идеями и образами, так и хитрость является жонглированием действиями»¹.

Крупнейший знаток политического и военного искусства Никколо Макиавелли сформулировал на основе опыта знаменитых государственных и военных деятелей античности и средневековья правила, которые нашли затем многократное подтверждение на практике у последующих поколений. Его правила по-прежнему соответствуют реалиям современного мира и могут служить ориентиром для оценки действий государственных деятелей.

Одно из правил Макиавелли, которому с юных лет следовал император Александр Павлович, гласит: «...государь должен даже в мыслях не оставлять военных упражнений и в мирное время предаваться им ещё больше, чем в военное. Заключаются же они, во-первых, в делах, во-вторых, в размышлениях»². Царь постоян-

но обдумывал проекты во внешней и внутренней политике. Наряду с удачами были у него и провалы.

Генерал армии В.Н. Лобов в своей монографии дал целый ряд определений хитрости. Приведем здесь те из них, которые связаны с человеческой индивидуальностью: «Хитрость – это умственная ловкость и действия в целях обмана и получения определённой выгоды... Как показал исторический опыт, со сложной задачей может справиться только человек, мозг которого подготовлен и натренирован в гибкости восприятия окружающей действительности»³. Всю совокупность этих знаний, умений и навыков В.Н. Лобов сводит к понятию субъективная ориентация. Чем выше уровень субъективной ориентации, тем изощреннее военная хитрость. «Человек, как известно, очень часто оказывается в запутанных и двусмысленных ситуациях, выходить из которых, как правило, сложно и болезненно. Если это случается при нормальных обстоятельствах, то вероятность того, что он разрешит проблемы качественнее и быстрее, достаточно высока»⁴.

Блестящий пример военно-дипломатической хитрости показал во время заключения Тильзитского мира и союза император Александр I. Он обладал умственной ловкостью, совокупностью этих знаний, умений и навыков, называемых субъективной ориентацией, и действовал в целях введения в заблуждение и получения определённой выгоды от противника. Н.А. Троицкий в своей монографии пишет об искусстве перевоплощения, которым царь владел с детства. Обретённое в «школе» Николая Салтыкова умение держать наготове «двойной прибор» манер, чувств и мыслей помогло ему в общении с Наполеоном⁵. К моменту создания Тильзитского союза царь уже широко использовал метод «двойной игры», основанный на отказе от своих слов и обмане партнеров ради выяснения вопроса о размере будущих выгод. Александр смог быстро психологически заставить себя по-дружески разговаривать с Наполеоном, и это у него получилось.

Большинство российской верхушки считали Тильзитский союз большой ошибкой. Но воспитатель царя Ф. Лагарп ещё летом 1803 г. описал Александру выгоды Тильзита. По его мнению, английское и французское правительства «отличаются друг от друга только тем, что одно разбойничает на континенте, а другое на море... Россия в силу своего географического положения отдалена от европейских событий, и поэтому её действия на первой линии, т.е. там, где дей-

ствуют основные европейские страны, не могут быть эффективными. Зато она всегда будет иметь преимущество на второй линии, там, где её действия будут носить ответный характер»⁶. Поэтому она «может существовать и процветать» ни от кого не завися.

Однако вновь возникшие обстоятельства заставили Александра поменять последовательность действий и выступить с союзниками в «первой линии». В секретной ноте царя на имя Н.Н. Новосильцева 11 (23) сентября 1804 г., имевшей целью заключение мира с Англией, содержалось «именно то, против чего так красноречиво выступал Лагарп»⁷.

Александр, видимо, хорошо знал труд Макиавелли «Государь», одно из правил которого гласило: «Разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат»⁸.

Таким образом, после Фридланда царь хорошо понимал, что находится уже около «второй линии» и будут шансы использовать все преимущества народной войны. Наполеон не хуже Александра знал о тех факторах малоуязвимости России, которые делали её недоступной для завоевания и позволяли переходить от одного союза к другому, не опасаясь сколько-нибудь важных потерь. Единственное, что мог противопоставить Наполеон – большое разноплеменное войско, которое, однако, не перевешивало факторов малоуязвимости России. Таким образом, Наполеону пришлось отказаться от продолжения боевых действий и добиться хотя бы подобия союза, превосходящего по силе все вероятные союзы.

После поражения при Фридланде, несмотря на болезненную реакцию дворянства обеих столиц, Александр быстро переменял военные методы борьбы с Наполеоном на дипломатические. В.Г. Сироткин в своей монографии указал на мнение царя, переданное Куракиным якобы от имени генерал-прокурора Беклешова, сопровождавшего государя на первых переговорах: он «думает открыто, что пора нам начать заботиться только о себе, пора увидеть, сколько нам повредили наши политические ошибки, пора перестать слепо жертвовать собою выгодам союзников, которые вместо того, чтобы помогать нам как бы то следовало, думают только о своих удобствах и всегда готовы предоставить нас нашей собственной участи»⁹.

Во главе оппозиции царю оказались его мать, императрица Мария Фёдоровна, и сестра, Екатерина Павловна, последняя писала брату: «Я бы заключила мир с тем миром только при условии практического воплощения слухов, ходящих по Петербургу, т.е. при условии, что мы сделаем большие и стоящие приобретения: Висла как граница с Пруссией и Дунай – пограничная река с Турцией, ибо без этого нам будет стыдно вспоминать, как мы братались с человеком, против которого справедливо и открыто выступили без малейшей настоящей выгоды и чести для России; мы принесли огромные жертвы, а зачем?»¹⁰. На что Александр I ещё за неделю до Фридланда писал сестре: «Бонапарт полагает, что я просто дурак. Смеётся тот, кто смеётся последним!»¹¹. Несомненно, царь уже проработал запасные варианты, включая те, о которых ему писал Лагарп. Множество свидетельств, исходящих от разных лиц, показывают, что Александр проводил свой курс. Мать взывала к совести сына, грозила, что от него «отвернётся русский народ. Его и так считают орудием Наполеона. Ослеплённый лестью императора Франции, Александр не видит, что идет к пропасти. Во всём мире, – восклицала Мария Фёдоровна, – лишь вы один можете верить, что подобным путём (союзом с Францией. – В.С.) предотвратите бедствия и возродите благополучие и мир... Вы ошибаетесь и даже преступным образом»¹². В ответ на письмо матери в сентябре 1808 г. сын привёл следующие доводы: интересы России требуют «хороших отношений» с «этим страшным колоссом, с этим врагом... Какими другими средствами могла располагать Россия для того, чтобы сохранить свой союз с Францией, как не готовностью примкнуть на время к её интересам и тем доказать ей, что она может относиться без недоверия к её намерениям и планам... **Союз с Наполеоном – лишь изменение способов борьбы против него**». Он нужен России для того, чтобы «иметь возможность некоторое время дышать свободно и увеличивать в течение этого столь драгоценного времени наши средства и силы... А для этого мы должны работать в глубочайшей тайне и не кричать о наших вооружениях и приготовлениях публично, не высказываться открыто против того, к кому мы питаем недоверие»¹³.

Описывая начало переговоров в Тильзите, С.М. Соловьёв отмечает весьма сложное положение императора Александра: «Границы России должны остаться нетронутыми, иначе мир невозможен,

но на руках Пруссия; Наполеон в полном праве, как завоеватель, вправе требовать всевозможных уступок с этой стороны, и, чтобы умирить эти требования, надобно ему чем-нибудь заплатить с русской стороны: союзом с ним, разрывом с его врагами; надобно уступить относительно Восточного и Польского вопросов».

«Мы потеряли страшное количество офицеров и солдат, – говорил Александр Куракину, – почти все наши генералы, и именно лучшие, ранены или больны; в армии осталось пять-шесть генерал-лейтенантов, не имеющих ни опытности, ни военных талантов. Мне нельзя продолжать войну одному, без союзников; Англия дурно вела себя с самого начала и теперь даёт ничего не значащие обещания выставить 10–12 000 человек, не означая срока; субсидий обещает не более 2 200 000 фунтов в год, и эта сумма должна быть разделена между Россией, Пруссией и Австрией: этого слишком мало»¹⁴. Данная оценка представляется совершенно трезвой. Другого достойного выхода из положения для России не было.

А. Вандаль характеризует участников переговоров следующим образом: «Один – необычайный, другой – выдающийся. Их сношения представляют особый интерес. Ибо дают возможность проследить, как вырисовываются во всей полноте их характеры, с их необыкновенными свойствами... Александр – обаятельный, скрытный и неискренний, проявляет великодушные намерения и весьма часто полное бессилие действовать; он увлекается мечтами, проводит жизнь в погоне за идеалом, что делает его нерешительным, вредит ясности и искренности его характера. В работе его мысли всегда остаётся что-то неопределённое и незаконченное. Наполеон – действие, Александр – мечта»¹⁵. Определение Вандалья – «неуравновешенная душа Александра, потерявшего голову», скорее, говорит о том, что автор принял за чистую монету умение царя казаться слабым, неуравновешенным, удивлённым. Чем он и вводил в заблуждение Наполеона.

Наполеон увлек царя, начав с того, какие провинции Турции и Швеции могут достаться России в случае войны с Англией, а также жонглируя названиями провинций и походов на Константинополь, в Малую Азию и Индию. «Две цели маячили перед Александром I: Константинополь и проливы – давняя цель русских царей»¹⁶. Так Наполеон отвлекал «брата Александра» от решения главного, «польского вопроса», который вскоре сыграл роль детонатора для похода

Наполеона 1812 года. Бесплодные переговоры П.А. Толстого в Париже по деталям восточного вопроса продолжались с ноября 1807 по февраль 1808 г.¹⁷ В.Г. Сироткин согласен с тем, что царь некоторое время не воспринимал всерьёз подобные проекты, поскольку за это ещё нужно было принять участие в ряде кампаний. Но уже в начале 1808 г. «сказать, что царь и русское дворянство не хотели с помощью Франции "округлить" ещё больше свои границы, значит погрешить против истины», считает В.Г. Сироткин¹⁸.

Вполне вероятно, что историки в данном случае идут на поводу у «двойной дипломатии» монархов. Потому что письма, посланные по официальным и конфиденциальным каналам, часто противоречили одно другому по содержанию и предложениям.

Царь, с одной стороны, старался убедить Коленкура, что главное – это раздел Турции: «Я заявляю вам положительно: если речь идёт о том проекте раздела, который согласован в Тильзите, то всё готово, мы достигли договоренности ещё до того, как увидели друг друга. Если же имеется в виду проект полного раздела, то переговорите с Румянцевым, возьмите карты, поразмыслите, прикиньте, что можно сделать и что подойдет для каждого... Константинополь – важный пункт... и, быть может, вы решите, что он слишком важен для нас. Мне пришла такая мысль: чтобы не создавать из-за этого затруднений, сделаем из него нечто вроде вольного города...»¹⁹.

Под маской смирения по-прежнему скрываться изошрённый политик, который хотел получить то, о чём, мечтала Екатерина II. Тактика Александра точно совпала с поучением древнекитайского мудреца Сунь-цзы: «Приняв смиренный вид, вызови в нём (противнике. – С.Ш.) самомнение»²⁰.

Идти дальше, приступить к полному разделу Турции, было бы делом, чреватом осложнениями и опасностями. «Будущая участь центральных провинций Турции и, особенно, Константинополя не была серьёзно рассмотрена. Позднее оба императора даже не наметнули на прежние разговоры»²¹. «В Тильзите они стремились к тому, что могло их соединить, а не разъединить». Возможно, поэтому договор был так краток и не содержал перечня конкретных условий и действий сторон в разных ситуациях, чего и добивался Александр.

В действительности он ещё не остановился ни на каком решении. «Моя система относительно Турции колеблется и готова рухнуть, – писал Талейрану Наполеон, – я ни на что не могу решиться»²².

В Тильзите Наполеон в обмен на союз против Англии предлагал Александру наказать Швецию, которая, имея большой флот, торговала теми же товарами, что и Россия, выдвигал варианты раздела Османской империи, совместного индийского похода, которые не снились Екатерине II. Конечно, Александр не мог отказаться от таких предложений, но оказывать реальную помощь против Англии, а позже Австрии не собирался. И Наполеон внес поправки в свои обещания.

В Европе всякое расширение границ вызывало вереницы военных конфликтов. Всегда находились государства, не согласные с произошедшими переменами. Многие решения требовали соучастия других государств. В вопросе о Турции это была Австрия, в вопросе о Польше – Австрия, Пруссия и Швеция. Эти комбинации были мало исполнимы. Долго такое положение сохраняться не могло. Получив всё, что было возможно от Наполеона, царь перестал верить в далеко идущие совместные проекты, ограничиваясь только практически занятыми дунайскими княжествами и Финляндией. Повторяя признания в верности союзу и соблюдении договора, он формально не нарушал Тильзитского договора, так как обещал объявить Англии войну. Александр упорно делал вид, что на кораблях нейтральных стран не могло быть английских товаров.

В целом, Тильзитский мир не имел шансов, так как оба союзника не хотели упустить своих выгод и готовы были в случае столкновения главных интересов (польский вопрос) вступить в войну. Недаром Н. Макиавелли вывел правило: «Горе тому, кто умножает чужое могущество. Ибо оно добывается умением или силой, а оба эти достоинства не вызывают доверия у того, кому могущество достаётся»²³.

При встрече в Эрфурте, когда Наполеон, ввязавшийся в народную войну в Испании и ожидавший нападения Австрии, нуждался в военно-дипломатической поддержке России, российские послы формально передали предостережения правительствам Англии и Австрии. Тогда же сработала секретная русская дипломатия, предупредившая императора Австрии и правительство Британии о том, что данные демарши – фикция, а русский контингент атаковать не будет. Царь должен был пригрозить Австрии в случае развязывания боевых действий нападением с востока. В действительности 40-тысячная российская армия так и не начала боевые действия. Но вместо России роль союзника неожиданно и с успехом выполнила армия герцогства Варшавского, которая и получила большую часть Галиции. России за малое участие

в австрийской кампании Наполеон дал лишь небольшую Тарнопольскую область. Александр был сильно обижен за слишком маленький приз. Союз формально продолжил существовать.

«Из Эрфурта царь вынес только ближайшие планы. Если Турция откажется пожертвовать Молдавией и Валахией, он готов был продолжить войну. Царь теперь видел в союзе лишь кратковременную сделку. Наполеон просил помощи, чтобы унять воинственный пыл Австрии, но царь отделался формальной нотой. Александр решил, что будет засыпать Наполеона любезными словами, нежными признаниями, восторженными излияниями, но в результате всё это будет только предложением Наполеону дружбы царя, а не поддержки России». Накануне австро-французской войны 1809 г. Петербург заключил с Веней секретный договор об ограниченных, формальных боевых действиях 40-тысячного русского экспедиционного корпуса в Австрии. Практически не ведя в течение трёх месяцев каких-либо активных действий, Александр был обижен, поскольку большая часть Галиции передана Наполеоном герцогству Варшавскому, так как польская армия заменила русскую.

Можно согласиться с мнением А. Вандаля, что Наполеона очень злила уклончивая игра Александра. «Он просил царя сообщить решение через два дня. Александр потребовал двадцать, а затянул на сорок, имея в виду в конце концов совершенно уклониться от брака... Наполеон считал себя вынужденным быть настороже, дабы не попасть в западно вероломной политики»²⁴.

Союз с Россией мог бы продлиться, если бы не было болезненного пункта – Великого герцогства Варшавского. Но Наполеон продолжал верить в необходимость хотя бы кажущегося соглашения с Россией. Он чувствовал, что живая связь рвется, и чтобы снова скрепить её, испытал два средства: просил у царя руки одной из его сестёр и предложил ему гарантии против восстановления Польши.

Вандаль, с одной стороны, признал, что царь не связывал согласие на брак с жесткими условиями договора о Польше. А с другой – откладывая ответ и заставляя себя просить, Александр не имел иной цели, как только повлиять на решение своего союзника и в обмен на великую княжну немедленно получить утверждение заключённого против Польши акта.

Его последние разговоры с Коленкурром, происходившие в то время, когда фактически нельзя было знать, утверждён ли договор,

не допускают уже этой гипотезы. Нам представляется, что разговор с Коленкуром не мог быть искренним. Следующее доказательство Вандалья: «Если бы император Александр ставил в тесную связь эти два вопроса – о Польше и о браке, он подождал бы, пока Наполеон утвердит договор, и потом уже сам решил бы вопрос о браке. Не удовлетворяя сразу же наших желаний, он до достижения своей цели поддерживал бы в нас надежду и преждевременно не разочаровывал бы»²⁵. На это можно возразить. Во-первых, Наполеон не мог ждать долго, страдала его честь, а во-вторых, получается, что Наполеон должен был подписать, не меняя ни буквы, договор (скорее, смертный приговор) против своих соратников по оружию. А царь, получив подписанный договор, оставляющий польский вопрос на его рассмотрение, распорядился бы его браком, т.е. рукой сестры. Но ведь император Наполеон не мог допустить такого обращения!

Проверкой союза на прочность стала попытка Наполеона вступить в брак с одной из сестёр Александра. Сватовство Наполеона к русским великим княжнам в действительности началось с декабря 1809 г. Царь уехал из столицы в Тверь и пробыл там до конца года. Вместо нескольких дней семья императора обсуждала условия более месяца и дала отрицательный ответ. Ответ поступил в Париж 6–7 февраля 1810 г. Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна и великая княжна Екатерина Павловна сыграли решающую роль в мягком отказе Наполеону в руке великой княжны Анны. Между тем ему надо было срочно жениться, чтобы усилить династию и укрепить союз с Россией. Таким образом, родственники царя внесли немалый вклад в развязывание войны 1812 года. Вся Европа вздрогнула и поняла, что не далее как через 18 месяцев Наполеон ударит по России. Оппозиция продолжала давать самые неблагоприятные прогнозы на будущее Александра Павловича. Румянцев прочитал на эту тему лекцию Коленкуру²⁶. «Проницательность Наполеона не обманула его. Ещё за два дня до того, как он сам отказался от русского брака, тот уже ускользнул от него. У него не было выбора между двумя принцессами»²⁷. Многие из тех, кому пришлось уехать за границу, собрались в Вене. Общество возглавил бывший посол в Вене А.К. Разумовский и княгиня Е.П. Багратион; проповедовали бывший посол во Франции Толстой, Д.И. Лобанов-Ростовский, княгиня Багратион. Как писал А. Вандаль: «Русский посланник граф Шувалов оцепенел от ужаса... Первое известие

пришло во время бала в одном русском доме. Музыка тотчас была прекращена, и многие разъехались до ужина»²⁸.

Понимая, что брак, против которого выступали его мать и сестра Екатерина, противницы союза с Францией, означает дальнейшее укрепление союза с Францией, а отказ – оскорбление и войну, Александр не смог преодолеть оппозицию своей родни. Месячная задержка с ответом, подтвердившая подозрения Наполеона, возникла потому, что царь придумал хитрый ход: прислал договор, в котором статья 1 гласила: «Польское королевство никогда не будет восстановлено». С такой слишком краткой и невразумительной формулировкой Наполеон не мог согласиться. Ему был дан вежливый отказ (необходимость достижения сестрой Анной восемнадцати лет) и вернули договор в первоначальном варианте. Во избежание насмешек Наполеон был вынужден обратиться к другому варианту (Мария Луиза, дочь австрийского императора).

После женитьбы Наполеона на Марии Луизе двойная игра монархов в польском вопросе достигла кульминации. Александр подписал договор против существования польского государства, одновременно зондируя почву, чтобы выяснить мнение поляков через князя Чарторыйского насчёт объединения всех польских земель, включая белорусские и литовские губернии, под его властью в качестве конституционного короля. Для Александра это был дипломатический Аустерлиц.

Русский император, как и австрийский император Франц, прусский король, наследный шведский принц Юхан, часто прибегал к двойной игре. Двойная игра Александра заключалась в ведении переговоров как через МИД, так и через личных доверенных лиц. Покоренные страны были вынуждены это делать для самосохранения. Аргументация обеих позиций носила, как правило, амбивалентный, т.е. противоречивый характер. То была дипломатическая хитрость, чтобы в любом случае получить некоторую компенсацию в виде собственности, либо территории, либо в денежном эквиваленте, неважно от кого, от Наполеона или от антинаполеоновского союза.

Выполнение Россией общих союзнических обязательств и отрицание конкретных обязательств (использование нейтральных судов для доставки в Россию английских товаров), поскольку это не было прописано в Тильзитском договоре, свидетельствовало о нежизнеспособности этого документа. В то время, когда вся Европа стала свидетелем обид России по второстепенным вопросам

(Ольденбург), по поводу первостепенных вопросов (польский) царю полное молчание.

Если по линии МИДа царь не выдвигал открыто претензий или вариантов компенсаций за нанесённый ущерб репутации России, то он это делал через своих тайных представителей, имевших незначительные чины. Н.П. Румянцев ничего не знал о них. Эти люди имели приказание намекать на варианты решений, которые были бы выгодны России и, соответственно, невыгодны тем или иным соседям. Наполеон и Александр всегда могли опровергнуть неприятные выводы в свой адрес и убедить друг друга в своей искренности и преданности²⁹.

Взаимный обман заключался в том, что царь уже взял курс на решение польского вопроса в свою пользу. Поэтому вопрос о браке с российской великой княжной был нужен только для «затягивания» союзника глубже в трясину двусмысленной политики. Все три варианта договора содержали все ту же статью, очень короткую, но четко сформулированную: «Польша никогда не будет восстановлена», компрометирующую честь и достоинство Франции. Наполеон справедливо возмутился, почему он один должен направлять свои армии, если какая-либо страна или сами поляки или литовцы помогут это сделать. Он мог дать гарантии только за себя. Как и кто должен гарантировать в других условиях этот запрет на возрождение Польши, было совершенно неясно. После небольшой правки договор с подписью Наполеона отправили в Петербург, но он вернулся снова в первоизданном виде. Тогда Александру стало ясно, что к согласию на брак присоединён трудноисполнимый договор. Он понял, что Наполеон не подпишет приговор полякам, а стало быть, и брак уже повис в воздухе. «Александр надеялся, что Наполеон... доверчиво и тотчас же, не получив ещё предмет своих желаний, утвердит договор 4 февраля, когда царь, под видом отсрочки на два года, замаскировал отказ, он мог предполагать, что император, в руках которого договор должен был находиться уже в течение нескольких дней, подписал и отправил его в Россию и не был уже в силах вернуть его обратно. Если бы произошёл такой казус, Россия одна получила бы всю выгоду от переговоров о браке и конвенции. Сумев заставить заплатить себе вперед, она достигла бы удивительного результата – получила бы желаемое, ничего не давая сама; выманила бы утверждение договора, не отдавая великой княжны»³⁰.

Итогом фактического отказа в руке сестры императора стало ясное понимание того, что не позже 18 месяцев грянет война.

Александр решил найти подходы к тестю Наполеона с целью заключить на будущее договор о взаимной поддержке в случае войны с Францией. Тайным посланником стал Давид Алопеус. Н.П. Румянцевым была составлена инструкция. Она представляла собой кружево намёков и загадок, позволявших людям, которых нужно было заманить в сеть, угадывать самые заманчивые перспективы, не давая при этом ни одного обещания³¹.

Александр начинает переговоры с Австрией и Пруссией на предмет совместных наступательных действий в подходящий момент. Генерал Шарнгорст, разработчик плана операций, дважды приезжал инкогнито в Петербург. Нужно сказать, что ещё во времена Людовика XV секретная переписка и переговоры велись через лиц, о которых ничего не знали его одуроченные министры. Александр действовал через бывшего воспитателя великого князя Константина обер-гофмейстера Р.А. Кошелева³².

Канцлер Н.П. Румянцев стремился избежать войны с Францией, отвергал саму идею нападения, хотел придать соглашению с Веной чисто оборонительный характер и потому готов был довольствоваться обеспеченным нейтралитетом. Вот в чём заключалась причина тайной дипломатии царя. Он желает большего, чем его канцлер; он хочет идти дальше и решительнее своей официальной дипломатии.

11 февраля 1811 г. Румянцев с кажущегося одобрения царя przeprowadил Штакельбергу длинную инструкцию. В ней с душевной тревогой указывал он на возрастающее могущество Наполеона. По его мнению, единственное средство положить этому предел заключалось в том, чтобы Австрия обязалась не выступать против России в том случае, если бы России пришлось вести войну с Францией. Для воздействия на венский двор канцлер не считал целесообразным предлагать ему территории на Нижнем Дунае. Совершенно иного рода оказалась контринструкция, которая сплошь была написана рукой императора и которую император приказал отправить секретно в Вену, чтобы она не попала на глаза канцлеру. В иносказательных, но достаточно ясных выражениях Александр излагает в ней свой план относительно Польши. Он рассуждает так: если не упредить императора Наполеона, он рано или поздно выскажется за полное восстановление Польши; следовательно, Австрия во всяком случае

потеряет свои галицийские владения... Эти положительные предложения были попыткой осуществить великий проект, так как подразумевалось, что следствием их будет уступка Австрией Галиции, а это было исполнением одного из обещаний, данных Чарторыйскому... Оставалось выполнить ещё два предварительных условия, необходимых для успеха дела: убедить Пруссию решительно стать на сторону России и заручиться доброжелательным нейтралитетом Швеции. В январе 1811 г. русский посланник в Берлине Ливен приступил к выполнению своей миссии – теснее сблизить оба двора. В следующем месяце ему поручено было выбрать надёжного человека, например госпожу Фосс, обер-гофмейстерину двора, или адъютанта Врангеля для передачи королю Фридриху-Вильгельму секретного письма царя. В этом письме Александр приводит весьма сильные доводы в пользу необходимости для Пруссии присоединиться к России, а не к Франции.

У Швеции он не просил так много. Александр хотел только подготовить её к зрелищу великих событий, в которых не было ничего опасного для неё самой, но из которых она смогла извлечь выгоду. Не доверяя Бернадоту настолько, чтобы открыть ему свой проект, он позаботился только о том, чтобы в личной с ним переписке поддерживать расположение к себе принца, поощрять полунамеками и замаскированными предложениями его чувство ненависти к императору французов и возбуждать его честолюбие.

Описанное выше явление «двойная игра» раскрыл в своей монографии «Александр I» С.М. Соловьёв. Приведем эпизод переговоров Бернадота и Наполеона в отношении России: «С другой стороны, Наполеон, хотя поздно, хотя поневоле, вследствие нерасположения своего к Бернадоту, предложил союз: Швеция должна напасть на Финляндию с 30 000 войска, за что Наполеон обязывался не мириться с Россией без того, чтобы она не уступила этой страны Швеции. Но оба предложения, и русское и французское, одинаковы по своей неверности: за Финляндию надобно опять воевать, и кто знает, чем кончится война у России с Францией, а всякий знает, как Наполеон исполнял свои обязательства, особенно относительно людей, лично ему неприятных. Бернадот склоняется на сторону России; но потом его берет страшное раздумье насчёт следствий нашествия Наполеона на Россию, и он перед самым этим нашествием предлагает Наполеону союз, но с тем, чтобы кроме Финляндии ему досталась и Норвегия. Быть

может, он был уверен, что Наполеон не согласится на это, как и действительно случилось, и хотел только очистить себя в своих собственных глазах и глазах тех, которые могли упрекать его за несоблюдение шведских интересов. Во всяком случае, двойная игра – такое явление, которое оправдано быть не может, может быть только объяснено. Такие времена, как наполеоновское, времена насилий и захватов, самых бесцеремонных со стороны сильного, бывают очень неблагоприятны для развития международной нравственности, честности, ибо слабые позволяют себе двойную игру, оправдываясь насилием сильного, указывая в нём пример игры в обещания, договоры, указывая на невозможность бороться с ним открыто, чисто. Заявление, сделанное императором Александром в Австрии перед её войною 1809 года насчёт несерьёзности вспоможения своего Франции; заявление, сделанное императором Францем России перед войною 1812 года; почти постоянная двойная игра Пруссии с Францией и Россией, двойная игра наследного принца шведского – вот явления, которые характеризуют время и падают, разумеется, прежде всего на главного грешника³³. Отсюда историкам следует делать вывод о невозможности раскрыть все тайны, сокрытые в изучаемых событиях или персоналиях.

Что касается роли хитрости, то преимущества России «во второй линии» защиты превзошли возможности Наполеона. Александр в конце концов подвёл Наполеона. Как утверждал Макиавелли: «Лисы побеждают львов». Наполеон был львом, и роль лисы ему не удалась. Александр, имея «"двойной прибор" манер, чувств и мыслей», легко перевоплощался в новую ипостась и переиграл Бонапарта. Для царя союз с Наполеоном был лишь способом борьбы против него. Подтвердилась мысль Сунь-Цзы: «Лучшее из лучшего – покорить нужную армию, не сражаясь. Поэтому самая лучшая война – это разбить замыслы противника»³⁴.

Приемы хитрости всё время совершенствуются, и побеждает тот, кто достиг высот, не только в знаниях, но и в умениях, навыках, скорости принятия решений. Чем выше уровень субъективной ориентации, тем изощрённее военная и политическая хитрость. На мировой арене идёт состязание в изучении искусства хитрости. Кому как не военным историкам следует находить в прошлом приёмы, которые либо давно не использовались, либо и вовсе были забыты, ведь именно они могут стать не только объектом исследования, но и предметом обучения искусству хитрости.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Клаузевиц К. О войне. М., 1936. Т. 2. С. 144.
- ² Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990. С. 22.
- ³ Лобов В.Н. Военная хитрость. М.: Моск. воен.-ист. об-во; Логос, 2000. С. 390, 392, 397.
- ⁴ Там же. С.9.
- ⁵ Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М.: Высшая школа, 1994, С. 124.
- ⁶ Там же. С. 71.
- ⁷ Там же. С. 73.
- ⁸ Макиавелли Н. Указ. соч. С. 52.
- ⁹ Рус. архив. 1863. № 2. С. 195–196. Куракин – Марии Фёдоровне, 12 (24) июня 1807 г.
- ¹⁰ Переписка Александра I с сестрой Екатериной Павловной / Николай Михайлович, великий князь. СПб., С. 17-20.
- ¹¹ Цит. по: История дипломатии. 2-е изд. Сер. 1 (1801–1815). М., 1959. С. 477.
- ¹² Цит. по: Сироткин В.Г. Дипломатия и разведка Наполеона и Александра I в 1801–1812 гг. М.: Алгоритм, 2003.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Соловьёв С.М. Александр I: Политика, дипломатия. М.: Мысль, 1995. С. 172.
- ¹⁵ Вандаль А. Наполеон и Александр I. Ростов н/Д: Феникс, 1995. Т. 2. С. 11.
- ¹⁶ Сироткин В.Г. Указ. соч. С. 209.
- ¹⁷ Там же. С. 206; Сб. РИО. СПб., 1893. Т. 89. С. 107, 221; Внешняя политика Российской империи XIX – начала XX в.: Документы Рос. мин-ва иностр. дел. М., 1963. Сер. 1. Т. 4. Примеч. 14.
- ¹⁸ Сироткин В.Г. Указ. соч. С. 208. «2 февраля 1808 г. французский император пишет своё знаменитое письмо Александру I о походе в "жемчужину британской короны" – Индию, В письме содержится также намек на возможность полного раздела Османской империи. Для обсуждения конкретных деталей этого плана Наполеон предлагал Александру встретиться вторично... Судя по черновым документам тильзитской встречи, царь весьма скептически отнёсся к этим предложениям. Александр смотрит на проект похода в Индию "как на вещь почти невозможную". После прямого обращения Наполеона к царю с письмом от 2 февраля позиция Александра I изменилась. 13 марта 1808 г. Александр I отвечает принципиальным согласием и на участие в экспедиции, и на новую встречу с Наполеоном (даже называет место – Эрфурт) при условии, если Франция примет русские контрпредложения по восточному вопросу».
- ¹⁹ ВПР. Т. 4. С. 181. Донесение Коленкура Наполеону о беседе с Александром, 1 марта 1808 г.
- ²⁰ Цит. по: Лобов В.Н. Указ. соч. С. 17.
- ²¹ Вандаль А. Указ. соч. Т. 2. С. 99. «Бесплодные переговоры Толстого в Париже по восточному вопросу продолжались с ноября 1807 г. по февраль 1808 г. Поскольку Россия не уступала, Наполеон, будучи сторонником тактики "лучшая оборона – это наступление", решил поставить своё согласие

на присоединение трёх турецких провинций к России в связи со своей главной задачей, ради которой ему нужен был франко-русский союз».

²² Там же. С. 101.

²³ *Макиавелли Н.* Указ. соч. С. 11.

²⁴ *Вандаль А.* Указ. соч. Ростов н/Д: Феникс, 1995. Т. 3. С. 292.

²⁵ Там же. С. 286.

²⁶ Там же. С. 303.

²⁷ Там же. С. 281.

²⁸ Там же. С. 303.

²⁹ Там же. Свои уверения Александр I сделал «главным предметом своих разговоров с посланником. Он возобновлял их при каждой встрече, ври всяком удобном случае. В течение нескольких недель он повторил их счётюм не менее 12 раз, и всякий раз это был поток изысканно-выразительных, образных и сильных фраз, всякий раз – трогательное выражение лица, медовые речи и неподражаемая прелесть в жестах и дикция. Коленкур не в силах был противостоять чарующим звукам голоса, обладатель которого умел сочинять на один и тот же мотив бесконечные вариации... Он не замечал, что верхняя часть лица царя, помимо его воли, не отвечала выражению его губ; что голубые, лишённые блеска глаза никогда не улыбались, не смотрели доверчиво; что упорный, почти страшный по своей неподвижности взор никогда не останавливался на собеседнике».

³⁰ Там же. С. 287.

³¹ *Вандаль А.* Указ. соч. Т. 3. С. 352.

³² Р.А. Кошелев – личный друг императора Александра I, служил в армии, не поднялся в чинах, ушёл на гражданскую службу по дипломатической части при Павле, путешествовал по Европе, вступил в масонскую ложу. Выполнял секретные поручения при испанском дворе. Подружился с царем, стал членом Государственного Совета. Вместе с А.Н. Голицыным сильно влиял на религиозные взгляды царя.

³³ *Соловьёв С.М.* Указ. соч. С. 259.

³⁴ См.: *Лобов В.Н.* Указ. соч. С. 3.